

А. И. НИКИФОРОВ

ФОЛЬКЛОР И «СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ»

Публикация С. Н. Азбелева

Публикуемый материал представляет собой извлечение из докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века» (защита в Ленинграде весной 1941 г.).¹ Машинописный текст ее занимает около 2000 страниц; опубликована была только первая глава, посвященная ритмике «Слова о полку Игореве». А. И. Никифоров погиб в блокированном Ленинграде в 1942 г. Многие его исследования остались ненапечатанными.² Большинство их хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР.³

О «Слове о погибели Руския земли» существует много работ.⁴ Однако вопроса, который конкретно рассмотрен А. И. Никифоровым, исследователи касались редко, бегло и преимущественно в общей форме.⁵ Отнесение А. И. Никифоровым «Слова о погибели» (как и других произведений, о которых идет речь в его диссертации) к жанру былин представляется весьма спорным, но заслуживает внимания почти вся аргументация в пользу устно-поэтического происхождения «Слова о погибели», в особен-

---

¹ *ИРЛИ*, разр. V, кол. 120, № 1; текст статьи — на л. 85—95 (самостоятельного заглавия этот раздел рукописи не имеет); текст приложения — на л. 1655—1658. Краткая аннотация всей рукописи напечатана в кн.: Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 372—377.

² Научная деятельность А. И. Никифорова охарактеризована В. Я. Проппом во вступительной статье к сборнику «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.—Л., 1961).

³ См.: Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов, т. 4. М.—Л., 1959, с. 241—243.

⁴ Их библиографию см. в кн.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Руской земли». М.—Л., 1965.

⁵ См., например: Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» (Тр. Отд. древнерус. лит., т. 15. М.—Л., 1958), а также другие работы этого автора.

ности параллели из фольклористических записей. Даваемый же А. И. Никифоровым вначале краткий очерк общей истории изучения этого памятника, теперь сильно устаревший, представилось целесообразным опустить (что отмечено отточиями).

При подготовке материала к изданию автором этих строк сверены и уточнены цитаты и ссылки; если есть новое, не менее авторитетное издание источника, цитированного А. И. Никифоровым по старому изданию, ссылка дается на новое издание. Раскрыты в необходимых случаях сокращения; устранено несколько мелких стилистических недосмотров; сделан ряд необходимых добавлений в подстрочных примечаниях (все эти добавления снабжены пометой С. А.). Курсив, как в основном тексте, так и в цитатах, принадлежит А. И. Никифорову. Ему же принадлежит разбивка на стихотворные строки текстов «Слова о погибели», «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и простановка в них ударений. Текст «Слова о погибели» дается в транскрипции Х. М. Лопарева, изданием которого пользовался А. И. Никифоров (второй список памятника был обнаружен и опубликован после его смерти). При передаче древнерусских текстов заменены буквы, отсутствующие в современном алфавите, опущен «ъ» в конце слов, раскрыты сокращения под титлами. Фрагменты «Слова о погибели», восстановленные А. И. Никифоровым предположительно, заключены в прямые скобки; сохранены небольшие изменения, внесенные им в разделение текста на слова и в расстановку знаков препинания.

Единодушная точка зрения исследователей сводилась к признанию в «Слове о погибели Руския земли» памятника письменности, и споры и разногласия шли только вокруг того, какова связь этого «Слова» с Житием князя Александра Невского, в качестве предисловия к каковому «Слову о погибели Руския земли» и было найдено <...> Уже первые издатели и читатели «Слова о погибели» <...> могли бы сделать и здесь верный вывод.

В самом деле, Х. М. Лопарев в 1892 г. видел, что «Слово о погибели» — «только начало великолепной поэмы XIII века, оплакивающей гибель Руси, с предварительным прославлением ее красоты и славы». ¹ Тот же Х. М. Лопарев заметил: «Строки, посвященные восхвалению красот Руси, разделяются на стихи с определенным почти размером: вероятно, их и пели в старое время народные певцы:

О светло светлая
И украсно украшена
Земля Руськая! ..» ²

Еще дальше Х. М. Лопарев очень удачно сопоставляет упоминания византийского царя Мануила (1143—1180 гг.) в «Слове о погибели» с «грозным» царем русских былин Этмануйлом Этмануйловичем, называя тексты Кириши Данилова и П. В. Киреевского, и высказывает интересную мысль: «... очевидно, что на

¹ «Слово о погибели Руския земли», вновь найденный памятник литературы XIII века. Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1892, с. 9.

² Там же, с. 11.

Руси знали песни, так сказать, Мануилова цикла». ³ Наконец, в примечаниях к тексту «Слова» Х. М. Лопарев совершенно правильно указывает параллели к отдельным местам «Слова о погибели» в былинах. Так, к выражению «украсно украшена» он дает параллель из Кирши Данилова, № 29, к выражению «кладязми месточестьными» — из пословиц, «дубравами чистыми» совершенно правильно исправляет на «частыми», ссылаясь опять на Киршу Данилова, выражению «винограды обителные» находит параллели у Кирши Данилова и П. Н. Рыбникова. После Х. М. Лопарева А. Н. Пыпин видел элементы народно-поэтического влияния на «Слово о погибели». ⁴ Наконец, и Н. И. Серебрянский после рассуждений в защиту книжности «Слова о погибели» вынужден признать в авторе его одного из «певцов славы князьям», подобных автору «Слова о полку Игореве». ⁵

После обнаружения былинного ритма в «Слове о полку Игореве» ⁶ все эти высказывания исследователей «Слова о погибели» должны быть восприняты по-новому. Из них вытекает с очевидностью, что «Слово о погибели», как и «Слово о полку Игореве», есть не что иное, как простая запись народной быliny XIII века (в датировке этим веком все исследователи согласны). Мне кажется, что доказать это положение не представляет больших трудностей.

Во-первых, по заглавию это — «Слово о погибели Русской земли», т. е. своеобразное оплакивание, печаль, жалоба. В основе «Слова» мы имеем несомненно устную поэму. Это настолько очевидное положение, что уже Х. М. Лопарев переложил начало «Слова» на стихи. Получился тот же былинный одноопорный сказовый речитативный стих, на который пелось «Слово о полку Игореве» и прототип «Задонщины». Стих этот имеет почти без перебоев строгое дактилическое окончание и былинную рифму (*крутыми: высокими: дивными* и т. д.).

Во-вторых, отдельные выражения текста, как правильно указал Х. М. Лопарев, носят фольклорный характер: «земля Русская», «украсно украшена», «дубравами частыми», «князьями грозными», «за синим морем». Сюда же отнесу нагромождение в конце эпитета «великий»: «великия дары», «великий князь», «от великаго Ярослава».

В-третьих, в тексте «Слова о погибели» есть любопытнейшие перебои в написании «черемис». Певец прекрасно знал форму «черемиси» и употребил ее в стихе 58, ⁷ но зато в стихах 38 и 39

³ Там же, с. 15.

⁴ См.: Пыпин А. Н. История русской литературы, т. 1. СПб., 1902, с. 198—202 (С. А.).

⁵ См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 210 (С. А.).

⁶ Автор имеет в виду свою статью «Проблема ритмики „Слова о полку Игореве“» (Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1938, т. 4, вып. 2) (С. А.).

⁷ Здесь и далее имеется в виду разбивка текста на стихи, приведенная в Приложении (С. А.).

он дважды явно для сохранения стихового размера дал усеченные формы:

От Буртас дó Черемис,
От Черемис дó Мордвй.

Здесь невозможно видеть даже описки ввиду повторения написания в двух стихах. Такой же бесспорно ритмический стиховой характер носит и строение перечня народностей с эпической манерой повторения:

И до Ляхов, дó Чахов,
От Чахов до Ятвязи,
И от Ятвязи дó Литвы,
[От Литвы] дó Немець,
От Немець до Кóрелы,
От Корелы до Ўстьяга
.
.
.
От моря до Бóлгарь,
От Болгарь дó Буртас,
От Буртас дó Черемис,
От Черемис дó Мордвй...

Мне кажется, невозможно оспаривать наличие здесь одноопорного былинного стихового ритма. Я допускаю возможность некоторых перебоев в стихе только в конце «Слова», где, по-видимому, мы имеем дело с текстом, попорченным писцом XV в.

В-четвертых, мне кажутся совершенно правильными указания М. С. Грушевского, Е. В. Петухова и Н. И. Серебрянского на следы связи «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве». Эта связь, во-первых, в заглавии «Слово»; во-вторых, в стихах 69—70:

От великаго Ярослава и до Володимера,
И до нынѣшняго Ярослава.

Ср. «Слово о полку Игореве»:

От стараго Владимирѣ
До нынешняго Игоря.

Далее в «Слове о полку Игореве»:

Хинова, Литва, Ятвязи,
Деремела и половци;⁸

едва ли случайно перечень народов совпадает с литвой и ятвягами «Слова о погибели». Эта связь отнюдь не письменная, не литературная, а отголосок устной реминисценции певца-сказителя.

В-пятых, мы имеем в былине о Василии Игнатьевиче, которая как раз говорит о царе татарском «Батыге», Батые, следы очень любопытной связи этой былины со «Словом о погибели». В целом ряде вариантов этой былины имеются указания на чахов и ляхов, которые отмечены в «Слове о погибели». Например:

⁸ Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 10, 23.

«Слово о погибели»

Отселе до Угор
И до Ляхов, до Чахов,
От Чахов до Ятвязи...

Былина

Ишше были мы, матушка,
во Шахови,
Государыня наша, мы были,
во Ляхови.⁹

Это место былины не случайное, а стойкое по всем почти вариантам. Напомню, что былина эта хранит не только имя Батыя, но и «Киршака», «Кончальника», т. е. половецкого хана Кончака. Наконец, что для нас особенно важно, «Задонщина» К¹⁰ хранит на себе следы несомненной связи со «Словом о погибели». Вот это место:

«Задонщина»

Тогда поля костыи насеяны,
Кровьми полиано,
Воды возпиша,
Весть подаваша
По рожнымъ землямъ,
За Волгу к Железным вратомъ,
К Риму, до Черемисы,
До Чяхов, до Ляхов, до Устюга,
Поганых татар,
За дышущем моремъ.¹¹

«Слово о погибели»

И до Ляхов, до Чахов,
От Чахов до Ятвязи,
И от Ятвязи до Литвы,
[От Литвы] до Немець,
От Немець до Корелы,
От Корелы до Устьюга,
Где тамо бяху тоимыци погани,
И за дышючим морем (28—35).

Несомненно прав также В. Ф. Миллер, когда в выражении «до Чяхов, до Ляхов» видит «остаток эпической формулы очень отдаленного периода».¹²

В-шестых, в ряде списков более позднего памятника — «Сказания о Мамаевом побоище» — имеются вставки как раз былинного характера, носящие отголоски «Слова о погибели», на что, если не ошибаюсь, еще никем не было обращено внимания. Именно:

«Сказание»

И рати ины понаимова:
Бесермены и Армены,
Фрязы, Черкасы,
Ясы и Буртасы.¹³

«Слово о погибели»

От моря до Болгарь,
От Болгарь до Буртас,
От Буртас до Черемис...

Наконец, в-седьмых, мне при просмотре фольклорных сборников попало несколько интересных песен, которые представляют, на мой взгляд, если не простую переработку «Слова о погибели»,

⁹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. 3. СПб., 1910, с. 53; аналогично: с. 76 и мн. др.

¹⁰ Здесь и далее автор имеет в виду Кирилло-Белозерский список «Задонщины», относящийся к XV в. (С. А.).

¹¹ Тексты «Задонщины». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 549—550.

¹² Миллер В. Очерки русской народной словесности, т. 2. М., 1910, с. 355. См. также: Миллер В. Ф. Исторические песни из Сибири. — Изв. Отд. рус. яз. и словесности Акад. наук, т. 9, кн. 1. СПб., 1904, с. 15—16.

¹³ Полн. собр. рус. летописей, т. 26. М.—Л., 1959, с. 126, примеч. 32 (по Синодальному списку).

то, во всяком случае, поразительные к нему параллели. Приведу эти песни. Вот наиболее яркая из них:

Сторона ли наша сторонка,
Сторона ли моя веселая!
Она всем-то *изукрашена*:
И *церковью* божественной,
И звоном колокольным,
И большой-то дороженькой,
И *озерами* широкими,
И *речкой*-то быстрою.¹⁴

Если вспомнить совершенно обычный процесс перехода целых былин в балладные или лирические и свадебные песни (былины о Чуриле, о вдове с девятью сыновьями и ряд других сократились и перешли в лирические песни — см. сборники П. В. Киреевского и П. В. Шейна), то приведенный пример представляет не что иное, как такой сокращенный песенный вариант «Слова о погибели». Не только вся структура песни, но и ряд буквальных совпадений в тексте прямо доказывают это. Такое мнение получает подтверждение, если привлечь еще несколько вариантов той же свадебной песни, которые, оказывается, имеются. Вот они:

Наша сторонущка, —
Весела путь-дороженька,
Как наша сторонущка,
Виноградом посаженная,
Черносливом утыканая,
Она сахаром посыпаная,
Сытою поливаная.¹⁵

Она хвала свою сторону:
— Как наша сторонущка,
Она 'зюмом усажена,
Виноградом обгорожена,
Сытою поливана,
А тавтою покрывана.¹⁶

Сюда же можно отнести отрывки украинских дум:

Ей ти, зéмле турéцька,
Ти, віро бусурмéньска!
Ти єсть усим напóвнена —
І сребром і златом,
І дорогими напитками.¹⁷

В последнем примере опять буквальное соответствие «Слову о погибели», где читаем: «Всего еси исполнена земля Руская».

---

¹⁴ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 2. СПб., 1900, с. 421, № 1426 (свадебная песня из Вологодской губернии).

¹⁵ Там же, с. 474, № 1594 (свадебная песня из Вятской губернии).

¹⁶ Там же, с. 618—619, № 2072 (свадебная песня из Курской губернии).

¹⁷ Украинские народные думы. Изд. подгот. Б. П. Кирдан. М., 1972, с. 110—111. См. также с. 102, 103, 105.

Дальнейшим сужением образа является применение той же конструкции к улице:

Улица ты наша широкая,
Трава-мурава шелковая!
Уж ты чем, улка, изукрашена?
— Все гудками и волынками,
Веселыма скоморохами,
Удалыма добрыми молодцами,
Душима красными девицами,
Молодыми молодцами.¹⁸

Но важно, что самый образ и схема его построения чисто народные.

В свете этих текстов я считаю не лишенными интереса и еще две свадебных песни, не столь близких, но все же имеющих право на привлечение к сравнению:

Так и хочет улётети
Со моей буйной гóловы
На иные на гóроды,
На сибирские україны,
За моря за глубокие,
За озера ширóкие,
За реченьки бы́стрые,
За грязи за чёрные,
За леса за дремучие.¹⁹
Подхватите вы, буйны́ ветры́,
И снесите вы, буйны́ ветры́,
Голосá-то великие
Далекó по святой Русі́,
Высоко против нёбесу,
За реки-то за быстрые,
За моря-то за синие.²⁰

Если даже последние примеры не столь показательны, то первые совершенно убедительно сближаются со «Словом о погибели».

Наконец, последняя параллель <...>²¹ Фольклору свойствен закон, когда одна и та же образная схема может выступать и для положительной, и для отрицательной задачи. Так, в думе о Палее и Мазепе мы видим тот же образ, используемый для выражения печали:

Земле, земле християнсько!
Егда ты була смутками
И печальми наповнена,
Не знала, де родина,
Об родине промышляе!²²

¹⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, нов. сер., вып. 2, ч. 1. М., 1917, с. 37, № 1311.

¹⁹ Великорус. . . , т. 1, вып. 2, с. 434, № 1469.

²⁰ Там же, с. 409, № 1377.

²¹ Опущена отсылка автора к одной из последующих глав его работы, где обосновывается существование закона, о котором здесь идет речь (С. А.).

²² Сборник украинских народных песен, издаваемый М. Максимовичем, ч. 1. Киев, 1849, с. 91 (разбивка текста на строки принадлежит А. И. Никифорову, — С. А.).

Приведенные факты убеждают нас в следующем. Очевидно, что калкский разгром татарами Киевской Руси создал специальные былины о нашествии Батыя. Былины эти носили характер «жалостей», жалоб, печали русских о своем поражении, характер песен о «погибели» Русской земли. Обрывки этих песен-былин и попали, с одной стороны, в «Слово о погибели Руския земли», т. е. в Житие Александра Невского, с другой стороны, в ту былинку, которая составила основу «Задонщины» К. Самый характер вариантов в виде перифразы подтверждает устный характер и «Задонщины»-былины (так буду называть основу «Задонщины» К), и стиховых частей «Слова о погибели».

Надо добавить, что существование каких-то произведений о Калкской битве подтверждается и глухими строками текстов других «Задонщин» — У и С.²³ В У читаем о татарах:

Те бо на реке на Каяле
Одолеша род Афетов,
И оттоля Руская земля седит невёсела,
А от Калагьския рати до Мамаева поббища
Тугою и печалию покрывшася,
Плачущися, чады своя поминаюты:
Князи и бояря и удалые люди,
Иже оставиша вся дома своя
И богатество, жены и дети, и скот, честь,
И славу мира сего получивши,
Главы своя положиша
За землю за Рускую
И за веру християньскую.²⁴

Если эти строки не есть прямой отрывок одной из подобных былин-плачей о «погибели», то во всяком случае это подтверждение их существования в период от калкской рати до Мамаева побоища. Несомненным подтверждением этих былин в XIII—XIV вв. служат и дошедшие до нас поздние былины о Батые и Василии Игнатьевиче.

В пользу народного характера «Слова о погибели» говорит и та внутренняя ошибка, которая в «Слове» имеет место. Певец «Слова о погибели» указывает, что сам «жур Мануил цесарегородскыи» посылал дары к Владимиру Мономаху, боясь за целостность Царьграда. Между тем император Мануил Комнин жил с 1143 по 1180 г., а Владимир Мономах умер еще в 1125 г.; подобную грубую ошибку естественнее всего отнести за счет устного происхождения «Слова о погибели».

Признание народно-эпического характера «Слова о погибели» легко и просто объясняет и связь его с Житием Александра Невского. «Слово о погибели» попало в качестве предисловия не к обычным церковно-литературным видам Жития Александра

²³ Автор имеет в виду списки «Задонщины» XVII в. в собр. Ундольского и в Синодальном собр. (С. А.).

²⁴ Тексты «Задонщины», с. 535.

Невского, а к «светской» биографии князя Александра, которая имела, по выражению Н. И. Серебрянского, «такой необычный для древнерусской житийной литературы характер. Религиозные мотивы и сюжеты переплетаются здесь с былинными, мифологическими, книжные обороты очень часто уступают свое место народным выражениям и присловьям».²⁵ Такая характеристика Жития Александра Невского явно указывает в его составителе лицо, близкое к народной линии древнерусской литературы. Что же удивительного в том, что светский биограф, не чуждый и не враждебный фольклору, вздумал включить в качестве предисловия к Житию Александра прекрасное начало народной былины о погибели Русской земли? За ее явную обособленность от Жития говорит не только ритм, не только резко отличный характер словаря и образов, но и формальный момент — двойное заглавие, в котором «Слово о погибели Руския земли» оказалось в одной строке с продолжением: «О смерти великого князя Ярослава», причем в Житии Александра Невского ни о какой погибели нет речи.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЯЯ ЗЕМЛИ»

Текст с разбивкой на строки

О светло светлая
И украсно украшена
Земля Руская!
И многими красотами
5 Удивлена еси!
Озеры многими
Удивлена еси!
Реками и кладязми
Месточествными,
10 Горами крутыми,
Холми высокими,
Дубравами частыми,
Польми дивными,
Зверьми различными,
15 Птицами бесчислеными,
Городы великими,
Селы дивными,
Винограды обителными,
Домы церковными,
20 И князми грозными,
Бояры честными,
Вельможами многими!
Всего еси исполнена
Земля Руская,
25 О прававерьная
Вера христианская!
Отселе до Угор

И до Ляхов, до Чахов,
От Чахов до Ятвязи,
30 И от Ятвязи до Литвы,
[От Литвы] до Немець,
От Немець до Корелы,
От Корелы до Устьяга,
Где тамо бяху тоимици поганин,
35 И за дышкучим морем.
От моря до Болгарь,
От Болгарь до Буртас,
От Буртас до Черемис,
От Черемис до Мордвы, —
40 То все покороно было
Богом крестьянскому языку,
Поганьския страны
Великому князю Всеволоду,
Отцю его Юрью,
45 Князю кыевскому,
Деду его Володимеру иманаху,
Которым то половоци
Дети своя ношаху в колыбели,
А литва из болота
50 На свет не выникываху,
А угры твердыху каменныи города
Железными вороты,
Абы на них великыи
Володимер тамо не выехал,

²⁵ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 211.

55 А немци радовахуся,
Далече будуче
За синим морем,
Бургаси, черемиси,
Вяда и морьдва
60 Бортьничачу на князя
Великого Володимера,
И жюр Мануил цесарегородский,
[И] опас имея,
Поне и великыя дары

65 Посылаша к нему,
Абы под ним великыи князь
Володимер Цесарягорода не взял.
А в ты дни болезнь крестияном
От великаго Ярослава и до
Володимера,
70 И до ныняшнего Ярослава,
И до брата его Юрья,
Князя Володимерьскаго.